

УЧЕНИЕ УБИВАЕТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Дон Алехандро

— Книга I —

18+

Дон Алехандро

Учение убивает. Книга I

<https://litres.ru/74616654>

SelfPub; 2026

Аннотация

В преддверии апокалипсиса власть приходит за блогером Саней. Но вместо того, чтобы заткнуться, спрятаться или попросить прощения, он объявляет охоту на охотников.

Теперь те, кто пришёл за ним, сами становятся мишенями. Конец света — не повод откладывать разборки.

«Учение убивает» — жуткий гибрид криминального боевика, чёрной комедии и злой сатиры. Здесь смешное соседствует с кошмарным, а происходящее всё меньше напоминает шутку.

Это история о том, что случается, когда добыча отказывается быть добычей.

ЛЮДЯМ С РАНИМОЙ ПСИХИКОЙ — ПРОШУ НЕ ЧИТАТЬ!

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	35
Глава 4	44
Глава 5	53
Глава 6	64
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Дон Алехандро

Учение убивает. Книга I

Предупреждение читателю

ЭТО ЧЕРНУШНАЯ КРИМИНАЛЬНО-ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ ЗЛАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КНИГА.

Повторюсь, обычно крупный шрифт не читают, это художественная книга! Это вымысел!

Все события и персонажи этой книги — вымысел. Все совпадения, которые вам кажутся, просто кажутся. Если вы уже узнали знакомое лицо, должность или интонацию — поздравляем: воображение у вас работает.

Пить и курить здесь будут. На фоне остальных занятий персонажей это почти оздоровительная программа.

Дальше будут кровь, пытки, каннибализм, наркотики, похабщина, предательство, смерть, мат и чёрный юмор. Шутка может прозвучать в самый неподходящий момент.

Особенно берегите себя, если грубое слово способно повредить ваши квантовые вибрации, сбить частоту изобилия или напугать внутреннего ребёнка.

Пролактиновым воинам и людям с ранимой душой тоже стоит оценить силы заранее.

Здесь всем пох на ваше пробуждение, ауры и чакры.

«Путь Алзара» здесь произносят с восхищением, страхом, злостью и полным непониманием.

Что это такое — гуглите. Волю придётся искать самим: у персонажей своей работы хватает.

Моралистам, цензорам по призванию и людям, которые заранее знают, какими словами обязаны говорить герои, кого следует пожалеть и где разрешено смеяться, — идите нахер.

У этой истории уже достаточно начальства.

Остальным — добро пожаловать.

Начинаем в пять утра.

Глава 1

— Жирнющий риффак. Мне даже строй до-диез нравится. Прекрасно, никаких лишних нот нет. Только рубка!

— Реально надоели эти многозвучные соляки! А риффачок-то реально качает.

Парни обсуждали музыку, а огромная кошка лежала в кресле, недовольно шевеля ухом. Глаза открывала медленно, с видом её кошачьего величества, которое уже устало от дж-дж и гостей. На очередной рифф она повернула голову и посмотрела на Воробья.

— Да, понял, понял, — сказал он.

— Ужмаранга просто ждёт, когда ты уже отложишь гитару, — ответил Саня. — У неё в жизни всё хорошо. Это ты зачем-то решил ей раздать риффачка, видно, как нравится коту. Ох, как нравится! А кошка была в таком восторге от музицирования, что закрывала уши большими лапами.

На столе стояли стаканы, лежали провода, макбук и «Магия Алзара». В комнате пахло табаком, дурью, разогретой аппаратурой и ночной компанией.

Саня любил аскезу. И презирал показную роскошь.

Первый образец Карт Воли он сделал чёрным, с золотой печатью. Сам придумал дизайн, сам сделал — и сам же возненавидел эту цыганщину. Хотел, чтобы выглядело сильно, а получилось так, будто колоду надо хранить в таборе у цы-

ганского барона. Пробник потом пропал.

— Может подышим свежим воздухом? — предложил Чуи. — Только сначала надо причаститься. А то искусством наполнились, а стаканы пустые.

— У тебя искусство через стакан и заходит, — хихикнул Юрик.

— Как будто у тебя нет, зато регулярно! Постоянство — признак мастерства!

Лёд звякнул коротко, весело. Односолодовый плеснули до половины, опрокинули по глотку. Вовочка задержался, повертел стакан, довольно посмотрел сквозь него на лампу.

— Вот умеют же люди.

— И мы умеем, — сказал Чуи. — Просто наш продукт пока не рекомендуется принимать внутрь.

Парни вышли проветриться, закурили, забили бонг и смеялись над какой-то своей, только им понятной хернёй. Музыка продолжала играть в комнате. Ужмаранга проводила гостей взглядом, вытянула лапу на освободившуюся часть кресла и закрыла глаза.

Пять утра.

Город внизу был серым, холодным, почти вымершим. Во дворе стояли машины, блестел мокрый асфальт. Свет из нескольких окон лежал на стенах соседнего дома неровными прямоугольниками. Обычно эта вечная серость навевала лютую депрессию. Но не сейчас. Ночь пролетела как кино — быстро, с бешеным темпом, без желания посмотреть, сколь-

ко там осталось до конца.

Саня опёрся о перила и смотрел вниз.

Во двор, скрипнув тормозами, влетела легковушка. Из неё вывалились двое: один с видеокамерой, второй с лицом, которое уже заранее ненавидело всё живое. Оператор проверял спешно свои карманы, второй что-то ему выговаривал. Матерясь, двинулись к подъезду.

— Кино к нам само приехало, — заметил Юрий.

Следом, тяжело дыша двигателем, подтянулся ПАЗик. За ним — мусоровоз, ещё какая-то машина. Из них, как горох на паркет, высыпались люди. В форме, не в форме, в шлемах, в гражданском — всё в кучу. Одни сразу пошли к подъезду, другие задержались возле машин, поправляя снаряжение.

— О, смотри, кумовья! — хохотнул Вовочка. — Ха-ха-ха! С утра пораньше. И мусоровоз прихватили, чтоб два раза не ездить.

Саня не смеялся. Продолжал с любопытством смотреть, как двор заполняется людьми.

— Парни, секундочку, ща посмотрим в мониторы, что да как, — сказал Чуи, уже отходя с балкона. — Добро пожаловать в командный центр.

Пройдя в комнату он подошел к столу и навис над экранами. Остальные подошли следом.

На мониторах было видно: часть людей топчется у дверей прямо на их лестничной площадке, часть рванула куда-то вверх — видимо, на крышу или этажом выше. Оператор пы-

тался пройти поближе, но его остановили. Человек в гражданском показал на Санину квартиру.

— Еу, парни... — Воробей прищурился. — Чего-то мне этот движ ваще не нравится. Может, перепутали адреса? Помнишь, как мы в двухтысячном? Ха-ха!

— Да уж, весёлые времена были, — почти шёпотом сказал Чуи, не отрываясь от мониторов. — Чего мы там только не творили.

— И не путали, — подхватил Саня.

— Мы тогда молоды и красивы были, — сказал Воробей. Движение на лестнице замерло. Человек в гражданском растолкал коллег, подошёл к двери и нажал на звонок.

Звук ударил по ушам резко, некстати. Как будильник, который включили посреди ночи.

Юрик автоматически потянулся сделать музыку потише. В комнате повисла тишина. За дверью кто-то переступил с ноги на ногу, коротко кашлянул.

Саня посмотрел на экран.

— Лохи. Они не знают, к кому пришли в гости.

Воробей повернулся к остальным.

— Принимаем решение быстро. Сейчас. Веселимся — или нас щас натузят мордой в пол и покажут по ТВ, как задержали группу экстремистов, террористов, наркоманов. Может, некрофилов, я хэзэ. Что у них сегодня на повестке.

— Полный пакет услуг, все включено — сказал Чуи.

Парни молчали пару секунд. Звонок снова ударил по

ушам, потом ещё раз.

— Погоди! — крикнул Саня.

Из-за дверей донёсся почти ор, с полным власти и полномочий тоном:

— Открывай, пидарас, дверь! Иначе вынесем! За видеоролик, который ты выпустил в сети интернет, на YouTube, канал «Путь Алзара»! Будем задерживать!

Воробей усмехнулся.

— Аха. Вот и представились, вот и причину озвучили. Всё по процедуре: сначала пидарас, потом должностные обязанности.

— А чего они сразу на танке за ролик не приехали? — спросил Юрик. — Чего за повод-то такой срочный? Пять утра, целая бригада, журналисты...

— Танк по дороге пропили, — сказал Чуи. — Зато мусоровоз свободен. Работаем с тем, что есть.

Вовочка посмотрел на дверь, потом на экран.

— Вроде грибов не жрали. Вроде не кажется. Чур меня, чур. Парни, это уже какой-то цирк с очень дорогими конями.

Как в кино: только бонг взорвали, громко смеялись, риффачок играли — а тут раз, и праздник окончен. Добро пожаловать в реальность. Кто-то решил, что видеоролик требует такого количества людей, будто Саня не слова произнёс, а весь город сначала съел, а потом кости на алиэкспресс продал.

Внешняя дверь у него была обманкой. Старая, обитая дер-

матином, привет из девяностых. Вторая стояла как в «Форт-Ноксе», — её задолбаешься пилить. Да и сюрпризов за ней было приготовлено немало.

Чуи быстрым движением открыл ящик шкафа и включил несколько тумблеров. Странный девайс замигал светодиодами. И, — о, чудо — связь пропала. Радиоканал молчал. Мобильники показывали все палочки, но не соединяли.

— Всё, — сказал Чуи. — Ваш звонок очень важен для нас и мы его отправляем в бан.

Саня нажал кнопку. На окнах с тихим жужжанием начали закрываться бронированные жалюзи. Серый двор разрезало полосами, затем он исчез. В комнате стало темнее. Ужмаранга подняла голову и посмотрела на окна.

— Ну, до газа в вентиляцию у них не останется времени, — сказал Саня.

За дверью уже орали:

— Пидарас, открывай, именем закона! Егорыч, расчехляй агрегат, пили этому пидору дверь!

— Егорыч у них сегодня главный специалист, — заметил Воробей. — Именем Куращупова пилит.

Саня повернулся к друзьям.

— Парни, последний шанс сдатьсь.

— Ха-ха, сдаваться? Да как бы не так! Конечно, будем веселиться! — заржал Вовочка.

Смех оборвался. Он поправил очки, посмотрел на дверь, затем снова на Саню.

Саня открыл тумбочку и достал небольшой прибор с антенной и красной кнопкой. Воробей усмехнулся, хрипло сказал:

— Моя тема. Мальчики, ротики открыть, ушки закрыть. А Котику не бояться.

Ужмаранга смотрела на него с тем же выражением, с каким недавно слушала гитару.

Дом содрогнулся.

Пол толкнул ноги. В шкафу звякнуло стекло, со стены посыпалась мелкая пыль. За дверью слышались предсмертные стоны. Вовочка ухватился за край стола и что-то сказал, но собственный голос услышал только он.

В это время дрон Чуи уже летел на крышу. Маленькая чёрная точка в сером предрассветном небе, почти невидимая снизу.

На крыше ожидали приказа четверо. В полном снаряжении, с канатами, карабинами, вооружённые до зубов, — будто им поставили задачу захватить не Саню Алзара, а Саню Солоника. Вот-вот должна была прозвучать команда: спускаться, бить окна и эффектно, для новостей, ворваться в квартиру.

— Прощайте, мальчики, — сказал Чуи.

ФПВ не подвёл.

Удар пришёлся точно в центр группы. На экране мелькнули фигуры и удивленное лицо, изображение дёрнулось и пропало.

Четверо — двести.

— Чо по камерам? — быстро спросил Воробей.

— А нихрена не видно. Дым.

Второй дрон уже добивал группу внизу. Всё произошло слишком быстро, шансов у них не было. Утренний сюжет про красивое задержание не состоялся.

— Не такие проекты заваливали, отлично, — быстро сказал Чуи.

— Ноги в руки, валим, — сказал Саня.

Воробей застёгивал рюкзак.

— Суета — удел плебеев. Не нервничаем, собираемся с чувством и толком, но не тормозим. Владимир, не тормозим. Это я не для красоты повторяю.

Вовочка пытался просунуть руку в перекрученную лямку.

— Да вижу я. Нахера ты надо мной стоишь?

Чуи уже складывал свои вещи.

— Время собраться есть, мальчишки. Только из соседних подъездов щас начнут свистеть в контору. Пока они там разбираются, мы отсюда красиво исчезаем.

— А чего они могли видеть? — спросил Юрик. — Афтер-пати? ФПВ на крыше и у подъезда? Кто выжил — те в шоке, кто не выжил — тем уже пох.

Он подошёл к окну, но жалюзи были закрыты.

— Самокаты-то внизу. Интересно, покоцало их или норм? Воробей посмотрел на него.

— Юрец, мы только что устроили режиму веселое утро, а

ты переживаешь за самокат.

— Режим пусть за себя переживает. Мне уезжать на чём?

— Резонно. Шевелись тогда.

Собрались быстро. Вовочкины руки дрожали, застёжка не слушалась. Юрик говорил вполголоса, но почти без остановки. Чуи коротко проверял, что забрал, и возвращался к рюкзаку. Никто уже не смотрел на стаканы.

Саня присел перед кошкой.

— Кужмара Медженга. Всё, детка. Боевой режим.

Ужмаранга подняла голову. Уши с кисточками повернулись вперёд. Она втянула воздух, поднялась и подошла к двери. Охота началась.

Саня сгреб со стола макбук и «Магию Алзара». Всё остальное было готово. Вещей много не брали — только то, что помещалось в карманы и рюкзаки.

— Оружие, патроны щас с земли поднимем, — сказал он.
— Здесь больше не задерживаемся.

Стационарную глушилку оставили включённой дома. Чуи прихватил портативную — сам паял, сам изобретал. Остальные девайсы и приблуды разобрали по рюкзакам.

Квартиру заминировали.

Саня задержался на секунду. Гитары остались на стойках. На столе стояли недопитые стаканы. Кресло, из которого поднялась Ужмаранга, ещё хранило вмятину.

— Да пусть не достанешься ты никому.

Выходили через подъезд.

Забрали пару ксюх, БК, гранаты. Ещё пару стволов. Нужно было шевелиться: насвинячили от души, а соседи уже начали выглядывать из квартир. Кто-то спускался вниз, безуспешно набирая номера экстренных служб.

Два этажа вверх и два вниз — никого в живых, вроде, не осталось. Части тел, кровища, штукатурка. Чёрное, серое, дым, гарь, пыль. Электрические щитки вывернуло наружу, провода висели среди обломков. По ступеням невозможно было пройти, ни на что не наступив. Воздух стоял густой, с привкусом жжёного металла, серы и гари.

Ужмаранга шла первой. Бесшумно переставляла лапы, уверенно ступала по мёртвым телам. Иногда останавливалась, нюхала, проверяла. Если кто-то ещё дышал — она знала, как надо. Саня только кивал.

Дверь одной из квартир приоткрылась. В щели показалось лицо, сразу исчезло. Ниже кто-то кашлял, матерился и снова спрашивал в телефон:

— Алло? Алло, блядь!

Парни прошли мимо.

Перед выходом договорились пересечься до полудня в условном месте. На улицу выходили по одному, пересекались с соседями, разъехались в разные стороны.

Времени добраться было навалом. Но скрытность и безопасность теперь стоили больше, чем несколько выигранных минут.

Кипиш нарастал. Вдали уже орали мигалки и крякалки.

Им вторили внезапно включившиеся сигнализации машин — возле дома, в соседнем дворе, ещё где-то за кварталом. Люди выглядывали из окон, выходили на балконы, снимали на телефоны дым. Из того самого подъезда, куда приехали снимать Саню, теперь выскакивали перепуганные жители.

Ужмаранга бежала впереди. В пасти — оторванная часть тела, морда в крови. Она знала дорогу до схрона.

Щас главное — добраться и перекантоваться. Понять, что происходит и куда их всё это приведёт.

Счастливое будущее махало белым платочком, словно девочка на пристани, провожающая своего морячка. Морячок уже оттолкнулся от берега. Девочка стояла, платочек трепыхался, а дальше начиналась вода, которой было совершенно пох на их планы.

Пути отхода были известны давно. Ещё со времён ковида, когда народ мусарили по всякому пустяку, устраивая блокпосты на дорогах, как при оккупации.

Так что свалить — не такая уж проблема.

Или всё-таки проблема?

Пока парни выбирались из жилых кварталов, седовласый генерал беседовал со своим сыном.

В кабинете было всё, чего Саня терпеть не мог: тяжёлое дерево, кожа, и много-много золота. На стене в богатом багете висел портрет Куращупова, а рядом Святослава Архиповича на коне в форме времен Наполеона. Здесь даже му-

сорная корзина выглядела так, словно имела право требовать обращения по званию.

Сын сидел перед столом. В мае выпустился из школы жандармерии — и через несколько месяцев уже исполнял обязанности начальника управления. Карьера шла бодро. До сегодняшнего утра.

— Теперь ты у нас и. о. начальника управления, — сказал генерал. — Пора решать серьёзные задачи. Тут ты проявишь себя. Я тебе это говорил?

— Говорил.

— А побегать, пиздюк, ещё ой как хочется?

Сын дёрнул плечом.

Парень был избалован деньгами, но не глуп. Спортивный, несмотря на пристрастие к порошкам, соображал быстро. Схематозы в его жизни появились слишком рано, чтобы казаться чем-то необычным. Батя тоже не святой. Зато батя генерал — а это открывало совсем другую арку возможностей.

— Вот скажи, как такое дерьмо могло случиться? — Архипыч ткнул пальцем в стол. — Нахера тебе надо было устраивать шоу с журнашлюхами по административке? Показать себя хотел? Проявить? Ты понимаешь, в какую задницу мы попали?

— А чё щас? Если он из страны свалит, мы тут сидеть будем?

— Он один был или с подельниками?

— С подельниками.

— Сколько?

— Выясняем.

Генерал посмотрел на него.

— Административка и гора трупов. Ты реально дебил? Выясняет он. Ты туда кого послал? Людей или фарш?

— Нам спустили указивку: крепить за оскорбление. Мы крепим. Попался этот Алзар, обмудок конченный. Ты же сам знаешь, что он в видео золотым опарышем назвал самого Шкалика. На Курашупова намекал, на партнёров его. Это непозволительно.

— А то, что у меня группа по стенам подъезда размазана, позволительно?

— Мы не знали, что у него там.

— Так надо было знать!

Сын сжал губы. Генерал прошёл за стол, но садиться не стал.

— Журналисты-то что сняли?

— Разбираемся. Но те кто выезжал — двести.

— У тебя на всё один ответ? Разбираемся, выясняем и двести. В камеру вы успели рассказать, какие вы красавчики, или тоже не разобрались?

— Я сейчас могу работать. Или дальше здесь сидеть.

Архипыч помолчал. Посмотрел на сына, на лежавший перед ним телефон. Тот уже мысленно был за дверью. Ему хотелось найти Алзара самому, вернуть себе это утро, показать, что происшествие ещё не стало концом его большой

карьеру.

— Ладно. Через час на стол мне папку по ОРМ. И каждый час — отчёт. Каждый. Чтобы я из чужих каналов не узнавал, чем ты руководишь.

— Понял.

— Вот это и проверим.

Тем временем город жил своей жизнью.

В соцсетях обсуждали ЧП. Да, получилось очень громко. Но в потоке новостей и такое могли скоро забыть все, кроме тех, по кому был нанесён удар.

Такое прощать нельзя. За это надо карать.

Негласный приказ уже спустили вниз: если будет маза — стреляйте. Живым он не интересен.

А фон новостей пестрил необычайными происшествиями. Генерала подорвали в машине у подъезда. Вражеский дрон попал в гражданский автобус. Очередной склад маркетплейса горел — да не в одном регионе. НПЗ полыхали ещё в нескольких.

А тут группа захвата. Да ещё с журналистами.

Докладывать наверх придётся.

Ну и доложили.

«Колпак» тем временем работал. Саню с огромной кошкой срисовали на одной из городских камер. Пока он выбирался из жилых кварталов, его морда уже висела на монито-

ре.

И. о. начальника управления получил сообщение и сам поехал за ним. Хотелось не папку отцу принести, а самого Алзара. Желательно в позе лебедя, еблом вперёд.

Саня об этом ещё не знал.

— Как такое могло произойти? Вроде хвост, вроде нет. Не пойму.

Саня остановился.

Ужмаранга пробежала дальше и начала нюхать воздух. Замерла. Одно ухо дёрнулось, другое повернулось вперёд.

Это была огромная кошка. Размером с хорошую собаку. То ли рысь, то ли хрен пойми кто. Трёхцветная, но с пятнами, как у рыси. Непропорционально большие лапы, широкая хищная морда с кисточками на ушах. Странный кошачий камуфляж: в квартире её было невозможно не заметить, а среди кустов она исчезала почти сразу.

Саня подобрал её в лесу. Тогда она помещалась на ладонях — слабая, маленькая, с сердитой мордой, шипела, но была такой милашкой.

А щас — крокодилище.

Ужмаранга смотрела в сторону угла дома.

Да. Не показалось.

Саня спрятался в кустах, взял камень. Кошка припала к земле. Не шевелилась. Только глаза — щели.

Из-за угла слышались осторожные шаги. Кто-то очень

аккуратно шел.

Сначала показался макарыч, прижатый прямо к груди. Потом рука, плечо, лицо.

«Аха. Тактикульщик. Умеет».

Саня ударил камнем крадущегося по голове.

У преследователя подкосились ноги, и он упал. Из виска пошла кровь. Ноги дёргались, дыхание стало поверхностным, потом стихло.

Двести.

Ужмаранга подошла к телу. Понюхала. Убедилась. Села рядом и ждала.

— Парень, прости. Не твой день.

Так кончился сын генерала.

Саня не знал, кого встретил. Для него это был человек со стволом, который шёл следом. Чела сейчас подберёт напарник. Город шерстят, ориентировки расходятся. Задержаться нельзя.

Нужно вырваться в промзону. Через неё — к полю, дальше в лес. Там будет схрон, который давно готовил Чуи.

Выживальщик, мать его.

Ужмаранга снова бежала впереди.

Она знала дорогу.

Глава 2

— Мутная тема какая-то, — подумал Воробей.

Система «Колпак». Аналог «Безопасного города», только город, судя по утру, безопасным перестал быть. Где эта долбаная логика? Как срисовали?

Опытного дргэшника, прошедшего всё и вся, эти дети хрен поймают. Но на двоих детей всегда найдётся ещё автобус бородатых детей, и всем раздадут ориентировки, стволы, рации и право вредить человеку.

Одна долбаная проблема — травмированная нога, которую в Скилфе собирали по кусочкам славные мужи медицины. Собрали так, что он снова ходил, бегал и мог заниматься привычной хернёй, но травма есть травма, в неподходящий момент она часто напоминала о том, в какие истории влезать не следует, “не нервничайте и сильно не нагружайте ногу”, — говорили медики, но это ж Воробей, будет он слушать советы, аха, конечно.

Таких спецов да в каждую больничку, а желающих эту работу обнулить — в печь.

Преследование продолжалось. Пара гражданских машин цеплялась за Воробья, но в конце концов он скинул их с хвоста и скрылся. Они ещё какое-то время крутились поблизости, потом отстали.

Он остановился перевести дух, посмотрел назад.

— Ну что, спортсмены? Размялись?

Нога ныла. Воробей пошевелил стопой, выругался и пошёл дальше.

В голове крутились мысли.

Что там Чуи? Что там Санёк? А остальные? Выбрались? Кто где застрял? Вовочка со своим вечным «сейчас, сейчас» мог и на ровном месте организовать себе проблему.

Время есть. Пароли, явки известны. Осталось добраться и ждать.

До схрона Воробей всё-таки дошёл первым. За ним поспел Чуи.

Схрон был спрятан мастерски. С воздуха не увидеть, тропинками не облагорожен. Небольшой. Генератор, маленький склад с провиантом, печка — всё, что нужно для автономии. Чуи давно собирал здесь своё хозяйство, и теперь оно внезапно пригодились целиком.

Вместе тусить будет тесновато. Зато тепло, сухо и никто не спрашивает, открываешь ты дверь или предпочитаешь, чтобы её вынесли.

Воробей поставил рюкзак, сел и вытянул больную ногу.

— Прикинь, меня срисовали. Пару гражданских машин на хвост посадили. Я их как пионэров сделал, но как они меня вообще нашли? Видимо, наши прекрасные морды уже висят на каждом столбу.

Чуи снял рюкзак.

— Твою ещё найти надо. Ты ж даже в интернет не ходишь.

— Вот и я думаю. Я столько лет старался не светиться, а тут за одно утро звездой стал, охренеть.

— Ща организуем связь. Посмотрим, в каких мы чартах и каких топах.

Чуи достал пару ноутов, несколько приспособ и начал колдовать. Раскладывал вещи без долгих поисков: рука сама знала, в какой карман лезть и что оттуда вынуть. С девайсами он разбирался играючи. Любознательный. И руки из того места. Если чего-то не хватало, это обычно означало, что он ещё не успел смастерить.

Воробей смотрел, как на экране одна за другой появляются вкладки.

— Да, Чуи, всегда твоей работой восхищался. И чо, нас не спалят? Биллинг там, или как они это делают? По айпишнику вычислят?

— Воробей, ты же знаешь наших кашников. Там мозгов только маляву написать в надзорные, чтоб ресурс заблокили. Зато ппц важные. Всю работу за них на аутсорсе крутые челики делают.

— Так челики-то могут.

— Могут. Я тебе и не говорю, что все вокруг тупые. Говорю, что сейчас мы не светимся. Дай сначала посмотреть, что там вообще случилось, а потом будем бояться по составленному списку.

Воробей усмехнулся.

— Ну хорошо. Только список короткий рисуи. А то я

устал.

Вкладки запрещённого Ютьюба открывались. Пока ничего такого не было. Про дом уже писали: попал вражеский БПЛА. В ТГ промелькнула новость, что нашли мёртвым и. о. начальника управления. Без подробностей.

Чуи повернул ноутбук.

— Вот.

Воробей наклонился к экрану.

— Заебись поработали. И. о. недолго обязанности исполнял.

— Пока глухо. Погоди, ща начнётся. Полетят эти новости, как из рога изобилия. Может, прикурим?

Дверь схрона открылась. В щели показалась морда Ужмаранги, измазанная кровью.

Она вошла первой, обнюхала порог, посмотрела на Воробья. Следом появился Саня.

— Почти все в сборе, — сказал Чуи. — Что там Вовочка? Юрик? Ты никого по дороге не видел?

Саня снял рюкзак.

— Мы отдельно выходили. Юрец за самокат переживал. Вова собирался. До полудня ещё время есть.

Воробей посмотрел на кошку.

— А зайка уже позавтракала?

— По дороге свежатинки прихватила.

— Правильно. Домой с пустыми руками не солидно.

Ужмаранга прошла мимо него и устроилась возле Сани.

Чуи принёс пиво. Раскурили бонг и охреневали от случившегося. Пытались говорить по порядку, но разговор всё равно возвращался к одному и тому же: они сидели дома, ничего не трогали, а теперь квартира разъёбана, да что квартира? Бадабум устроили знатный, по городу носятся машины и в новостях врут про вражеский БПЛА.

— Ни трава, ни алкоголь не цепляют, — сказал Чуи.

— Немножко попустило, — ответил Воробей. — Только спать всё равно не хочется. Усталость есть, а сна нет.

— Надо будет, — сказал Саня. — Голова должна соображать. Мы это утро ещё не закончили.

Планёрка у старого генерала была очень жаркой.

Потерял единственного сына. Надежду и опору. Наследника коррупционной империи. Ещё недавно орал на него в этом кабинете, а теперь Матвея нет. Уже не позвонит, не скажет своё «ну а чё», не принесёт папку, которую генерал требовал через час.

Архипыч рвал и метал. Орал матом. Перед столом сидели его полканы да майоры. Смотрели так, будто каждый лично готов горло перегрызть, но желательно после уточнения задачи и выдачи необходимых полномочий, желательно не покидая кабинета.

— Вы мне скажите, откуда у вас такая самоуверенная некомпетентность? — генерал ударил ладонью по столу. — Вы в городе работаете или только деньги собираете? Я вам

людей дал, технику дал. У вас всё есть. Результат где?

Кто-то начал заученными словами докладывать оперативную обстановку.

— Какая, нахуй, обстановка? У меня сын мёртвый! Люди в подъезде кусками лежат! Это ваша обстановка!

Из центра давили. Можно лишиться всего, если не организовать всё красиво. Сына уже не вернёшь, а остальное ещё могли забрать. Снять погоны, вытащить наружу схемы, вспомнить фамилии людей, которым он когда-то помог.

И вот сиди теперь перед этими нукерами и думай, кто из них способен хоть что-то сделать без чужой подсказки.

Долбанный отрицательный отбор наверх.

Толку-то от этих господ офицеров, которые могли только барыг щемить, шлюх крышевать и бизнес мутить? Деньги всегда текут наверх. А дерьмо всегда течёт вниз — золотое правило. Только сегодня дерьма оказалось столько, что оно уже прямо в рот затекает.

А работать-то кто будет?

Из центра едет группа. До их приезда надо иметь инфу и результат. Хоть что-то положить на стол, кроме перечня погибших и собственных объяснений.

Зазвонил телефон.

Архипыч схватил трубку.

— Да.

Слушал несколько секунд. Лицо чуть изменилось.

— Неужто бог меня слышит? Одного из группы заластали

пэпсы. Всё-таки группа установлена. Верно, неверно — похрен, потом разберёмся. Кто взял? Где держат?

Офицеры за столом оживились. Один уже открыл блокнот.

Система работает криво, косо, но работает.

Доклад ещё шёл, когда тяжёлую дверь генеральского кабинета вынесли ногой.

На пороге появился чел лет сорока. В спортивном костюме. С огромной золотой цепью поверх. За спиной — четыре огромные гориллы на строгих костюмах.

— Господа офицеры! — крикнул генерал.

Все встали.

Чел с голливудской улыбкой белого унитазного фаянса подошёл к столу и ударом ноги отправил первого попавшего обратно в кресло. Тот сложился, но не пискнул, кресло скрипнуло и отъехало.

— Сидеть, псы, — тихо сказал гость, продолжая давить лыбу. — Сидеть.

Все послушно сели.

«Явился», — подумал генерал и положил трубку.

— Выйти, — скомандовал присутствующим.

Но гость поднял ладонь.

— Пусть сидят. Это твои люди. Чего ты их прячешь? Мы же работать пришли.

Спиридон Филлипов подошёл ближе.

— Мне пришлось утреннюю пробежку из-за тебя, старого

гондона, остановить. Ты чо, в своём городе ваще мышей не пасёшь?

Генерал сжал челюсти.

Спиридона сослали из жирной Москвы в эту ущербную тырловку. Дочь Куращупова назначила его губернатором, и теперь регион имел возможность ежедневно любоваться человеком, которому здесь всё не нравилось, кроме собственного отражения.

Он оглядел офицеров. На одного посмотрел подольше, будто выбирал, кого следующим наградить пинком.

— Давайте работать, джентльмены. Диспозицию дайте. Кто, что, почему, зачем? И желательно без вашей херни про «мероприятия проводятся». Я вижу, как они у вас проводятся.

Новостей становилось больше. Официальной версии пока не было — кроме вражеского БПЛА и того, что пятого участника их тусы взяли. Видимо, утащили в гестапо.

Чуи обновил страницу, потом ещё раз.

— Вот же грёбаная дурь. Чела жалко. Он в темы-то наши особо не посвящён был. Помогал, базару нет. Про схрон знал, но здесь не был. Что он сказать может?

Воробей потёр переносицу.

— Они получают от него ответы на любые вопросы. Даже в убийстве Кенни признается.

— Его натузят для острастки и закроют, — сказал Чуи.

— Встрял парняга.

Саня посмотрел на экран. Фотография Юрика, несколько строк. Прочитал, вернулся к началу.

Открылась дверь. На пороге появился Вовочка — грузный, в больших очках. Подержался за косяк, выдохнул.

— Допрыгались, козлики. Чо делать-то будем? Парни, вам часом не кажется, что это всё зашло слишком далеко?

Воробей поднял на него глаза.

— Хорош ныть, морализатор херов. Вопрос был задан всем. Ты сам сказал: веселимся.

— Так я не думал, что у вас подъезд заминирован. Я охренел. Там два этажа...

— Вот вроде ты, Вовочка, с девяностых там, в понятиях весь, в братве и стрелках. А чо шас-то качать решил? Всё уже случилось. Подъезд обратно не соберём, а куски тел уж точно не склеим скотчем и подорожником. Надо думать, что дальше.

Вовочка прошёл внутрь, снял рюкзак.

— С моими связями можно норм убежать. Я же не просто так говорю.

Саня сидел в углу. Смотрел в одну точку. Ужмаранга лежала у него в ногах.

Открыли ещё пива. Взорвали ещё один бонг. Вовочка сделал глоток, поставил банку и продолжил:

— Ленточку перепрыгнем, мотнём в горы. Документы не проблема, исправим. Наличка нужна. Всё, парни. То, что на

картах, остаётся на картах. Что успели вывести в кэш — тем и живём. Бежать надо.

— Щас везде шкуроходят, — сказал Воробей. — Ты до своей ленточки ещё доберись. Проще в бигсити растеряться. Там хотя бы не каждый второй тебя в лицо знает.

— Вот! Уже вариант. Кто куда хочет, туда и...

— Погоди, Вова, — перебил Чуи. — Ты уже нас расселил, а мы ещё отсюда не вышли.

Новости перебивали разговор. На одном экране показывали дым над домом. На другом обсуждали, что могло взорваться. В комментариях нашлись люди, которые всё знали, ничего не видели, но с удовольствием рассказывали как было на самом деле.

Вовочка ткнул пальцем в сторону ноутбука.

— Парни, по-честному: это нихера не приключения и не романтика. Юрика взяли. Игры закончились. Надо растворяться, пока нас всех не прижучили.

Саня всё сидел и молчал. Глаза открыты, смотрит в одну точку. Со стороны казалось, что он перестал слушать.

Парни тёрли за побег. А он провалился в свой разум и призвал Алтанай — птицу-наблюдателя, которая закрывала крыльями всё небо.

Она поднялась над Сценой.

Внизу остались квартира, балкон, люди у подъезда. Камера, которую привезли снимать задержание. Звонок в дверь. Юрик, которого теперь держали отдельно от остальных.

Алтанай смотрела.

— За тобой пришли, Саня. Ты знал, что могут прийти. Поэтому готовился.

Он видел ту же картину.

— Сейчас обсуждают, куда бежать. Присмотрись: где твой выбор, а где чужой?

Саня ещё немного сидел неподвижно. Потом поднялся, сложил руки за спину и прошёл по комнате.

Вовочка замолчал.

— Парни, — сказал Саня. — Я предлагаю открыть охоту на них. На этих ублюдков, которые жаждут крови.

Чуи отставил банку.

— Сегодня мы сделали кучу страшных вещей. Мы хотели такого утра? Нет. Но оно случилось. Они приехали к нам домой за ролик, а теперь будут ловить за то, что не получилось положить нас мордой в пол. И Юрий у них.

Саня посмотрел на Вовочку.

— Ты говоришь: уйдём, пересидим, растворимся. Можно. Только это они нам назначили — бегать, прятаться и ждать, пока найдут. Сами ходят по кабинетам и решают, кому сегодня жить спокойно. А мы должны подбирать локацию, где нас не достанут.

— Ну, а что ты предлагаешь? — спросил Вовочка. — Они же...

— Я сказал, что предлагаю. Охотиться. Они нас людьми не считают. Ну так пусть познакомятся поближе.

Воробей смотрел на Саню, не перебивая.

— Я за себя решил, — продолжил Саня. — За вами черёд. Только говорите сейчас.

На телеэкране в приёмной генерала вещал Куращупов.

Рассказывал о великих победах. Скрепах. О том, как вся галактика консолидировалась вокруг него.

В экономике — рост. На фронте — победы. На геополитической арене — прирост территорий. Международная политика вышла на немыслимый уровень.

— Мы, мы, мы.

Перебивка. Крупным планом показали лицо победоносного и самого эффективного министра иностранных дел Лошадкина. С сигаретой, в первом ряду, он довольно кивал. Зал одобрительно дарил аплодисменты Куращупову.

Тот дождался, пока хлопки стихнут, посмотрел в бумаги.

— Кхе-кхе. Нет таких сложностей, кхе-кхе, которые мы с вами, не преодолеем. Можно сказать, противник наносит по нашей державе смешные удары беспилотниками.

Пауза.

— Я решил показать противнику, как надо воевать, кхе-кхе. И вот хочу анонсировать: создать к две тысячи тридцать седьмому году беспилотный род войск, который возглавит генерал Щукин.

Камера искала Щукина в зале. Нашла. Тот выпрямился.

— Все знают его по черноморским победам. Его подлодки

держат в страхе всю планету. Даже в Сахаре его боятся.

Лошадкин закивал ещё увереннее.

— Я попрошу господина Щукина передать его опыт и позитивно распространить, кхе-кхе, на создание беспилотной армии. У нас есть все возможности. Есть люди, есть знания, есть наша негибкая партия. Мы, кхе-кхе, умеем добиваться результата и никогда не даем пустых обещаний.

Зал аплодировал. Восторженные крики перекрывали друг друга.

— Курашупов — это победа! Курашупов — это величие! Курашупов — это мы! Курашупов — это мир!

Спиридон Филлипов вышел с планёрки и сел на стол секретарши.

Она отодвинула бумаги, подняла на него глаза.

Спиридон посмотрел на неё. Помолчал. Поулыбался. Снял солнечные очки, чтобы поиграть взглядом. Достал жвачку изо рта, прилепил на стол рядом с бумагами.

— Не в моём вкусе.

Секретарша ничего не ответила.

Он встал и важно вышел из приёмной. За ним потянулась охрана.

На экране продолжали аплодировать.

Глава 3

Работа на месте происшествия кипела. Скорые, пожарные, участковые шерстили соседей. Криминалисты и опера готовились войти в Санину квартиру.

Кое-как вызвали группу разминирования. В доме не было электричества. Связь до сих пор не работала. Люди спускались во двор, поднимали телефоны, смотрели на экраны, матерились и снова шли наверх. Кто-то пытался найти ответственного. Ответственный всех слал в пешее эротическое путешествие до дежурной части.

Хаос.

Опросы. Беготня по лестницам. Вынос тел. Место происшествия, по которому топтались десятки ног. Криминалисты, как пчелки искали улики и пытались сохранить для осмотра материал, другие торопились пройти и наступали именно туда, куда их просили не наступать.

— Егорыч, твою мать. Кто знал, что ты тут буйну голову положишь, — сказал бывший напарник.

Стоял у стены и смотрел, как собирают то, что от него осталось.

Подменился. Я жив. А Егорыча по кускам собирают.

— Вы с ним вместе должны были ехать?

— Должны.

— Повезло тебе.

Он повернул голову к говорившему.

— Заебись повезло. Прямо праздник.

Тот помолчал, отвёл глаза.

Подобные разговоры летали среди народа, который кучковался на лестницах и во дворе, выполняя служебные действия. Люди говорили о погибших, ругались, вспоминали, кто с кем менялся, кто опоздал, кого не взяли. У каждого находилась мелочь, из-за которой он сейчас стоял здесь на своих ногах и это была для них чертовски отличная новость.

— Ты посмотри, — сказал один из осматривавших подъезд. — У этого обмудка два этажа вверх и два вниз было заминировано. В стенах, вон, смотри. На уровне яиц и головы. В этих штробах, точнее, в том, что от них осталось.

Второй посмотрел на развороченную стену.

— Походу, самопал. Ну и поражающие элементы. Щитки тоже заминированы. Как эти пидоры это провернули? Под видом ремонтных работ?

— А кто бы их спрашивал? Что-то сверлят, что-то чинят. Все рады, что не у них.

— Видна долгая подготовка. Я боюсь представить, сколько ещё таких.

— Ты лучше пока за эту квартиру представь. Нам её открывать.

Подошли остальные. Посмотрели на дверь, на стены, на обломки под ногами. Никто не торопился первым предлагать красивое решение.

— Коллеги, как это будем вскрывать?

— Сейчас Джентльмена Джонни привезут. Ему пох, какой механизм.

— Нам бы тоже так.

— Ему замок открыть. А дальше всё равно нам.

Кто-то сплюнул в сторону.

— Так откроем. Не будем пилить ничего.

— Егорыч любил двери с ноги выносить, боялись его, — сказал бывший напарник.

На несколько секунд разговор стих.

С крыши несли в пакетах два с половиной трупа. Ещё полтора лежали далеко внизу, рядом с группой, вокруг которой суетливо бегал криминалист с фотоаппаратом. Снимал, отходил, снова наклонялся. Какой-то сержант заслонил ему свет, он раздражённо махнул рукой.

На улице светило холодное осеннее солнце.

Жизнь продолжается. А парней нет.

Возле натянутой ленточки толпились соседи. Один всё пытался объяснить, что ему нужно заехать во двор. Ворчливый дед спрашивал, когда дадут электричество. Женщина показывала сотрудникам ЖЭКа видео с телефона и требовала посмотреть, что у неё теперь с окнами.

— Вечером будем снимать стресс, — сказал один из офицеров. — Начнём в отделе. Потом в кабак. Надо парней помянуть.

— А с утра эту тварь за яйца прямо притащим к старшему.

— Найти сначала надо.

— Найдём и ебло в кашу разворотим, а потом обоссим. Он сказал это зло, уверенно. Потом посмотрел на подъезд.

— Только без этой херни, как сегодня.

Паша Чупа-Чупс сделал большой глоток водки. Смотрел старому генералу прямо в глаза. Взял хрустящий огурец и, чавкая, начал говорить:

— Святослав Архипыч, видите ли, мы на последней теме некрасиво разошлись. Ваши мусорята, господин дженераль, слишком жадные и слишком глупые. Замутили конфликт интересов на ровном месте. А щас ты просишь меня подключиться к поиску бригады какой-то? Какого-то Алзара? Чтобы что? Где мой интерес? Гражданский долг я на северах отрабатывал.

Генерал сидел напротив. Рюмку не трогал.

— Паша, сейчас не время старое поднимать.

— А когда время? Когда тебе надо — старое сразу кончилось. Когда мне надо — у тебя каждый разговор с него начинается.

Паша доел огурец, вытер пальцы.

— Зная ваши дела, я могу сомневаться в вашей порядочности. Вы легко можете меня шваркнуть. Сегодня я тебе людей ищу, завтра ты рассказываешь, что я их всех организовал. И вот опять Паша крайний.

— Паша, дорогой. Матвею камнем башку проломили. Мо-

их положили. Регион на ушах.

— Уже доложили.

— Сегодня группа из центра вот-вот явится. А ты знаешь, кто едет? Сам Лёня Гарпун. Моё гестапо сравнивать с ними — как пионерский лагерь и реальных кровопийц. Шерстить будут всех. Весь регион будет в крови и страхе.

Паша потянулся к бутылке.

— Слышал я за Гарпуна. И что, думаешь, мы на него управы не найдём? Спроси своего Матвея. Человек смертен.

Рука генерала замерла возле рюмки.

Паша смотрел на него. Не улыбался. Сказал и ждал его реакцию.

Святослав Архипович взял рюмку и быстрым глотком проглотил содержимое. На висках надулись вены. Глаза покраснели.

— Что ты хочешь, Паша? Я всё дам. Я объявил охоту. Мне они нужны вчера!

— А что ж ты так не доверяешь своим людям, а, господин дженераль? У тебя управление, начальники, замы. Целая толпа. Все со звёздами. А у меня звезды воровские, пришёл ко мне.

— Паша, кому как не тебе знать о диверсификации рисков? Моим я тоже много чего обещал. А тебе даю слово генерала.

Паша засмеялся. Откинулся на спинку стула, посмотрел на него с нескрываемым удовольствием.

— Ха-ха-ха-ха! Архипыч. Я знаю, что стоит твоё слово. Твоё слово уж точно не воробей. Твоё слово — как ракета, запущенная в космос. Улетело, и потом хрен его сыщешь.

— Ты цену назови.

— Вот так уже можно разговаривать.

Паша подвинул к себе тарелку с закусками. Выбрал кусочек салями, пока генерал ждал.

— Есть тут на примете один малюсенький заводик. Уж больно мил он моему глазу. А хозяин какой-то несговорчивый. Всё ему не нравится. И предложение моё не нравится, и люди мои не нравятся. Сам себе хозяин, прикинь.

Архипыч смотрел на него.

— Ты сейчас серьёзно?

— А ты несерьёзно пришёл? Я могу и шутками помочь. Давай ещё про слово генерала поговорим.

— Паша.

— Сделай красиво, Архипыч. Тогда посмотрю, как вылечить твою голову от этих дурных проблем.

Генерал потёр лоб.

— Мне сегодня нужен результат.

— А мне давно этот заводик нужен.

— Ты людей искать начни.

— А ты хозяином займись. Чего мы оба сидим? Ты мне работу принёс, я тебе работу принёс. Всё, как ты любишь. Диверсификация.

Паша снова налил. Генерал взял рюмку.

На том и разошлись.

Старый генерал знал Пашу Чупа-Чупса ещё с конца восьмидесятых. Много грязи они вместе намесили. Тогда оба были моложе, разговоры короче, а возможностей с каждым годом становилось больше.

В конце девяностых он лично сдал Пашу в гестапо.

Паша отмотал срок. Стал вором в законе. Укрепил позиции. Вернулся хитрее, коварнее и с очень хорошей памятью. Некоторые вещи забывал охотно, особенно собственные обещания. А кое-что помнил так, будто вчера случилось.

И теперь он, генерал, старый винт системы, сидел у Паши в кабаке и просил.

Так унижительно просил.

Этот огурец хрустит, водку пьёт, цену набивает. Про Матвея ещё сказал. Сидит напротив и знает, что сейчас ему за это ничего не будет. Потому что у него есть люди, есть связи, есть возможность что-то узнать быстрее, чем все мое стадо кулацких подпездышей.

Архипыч вышел из кабака, остановился перед машиной.

— Ничего. Всё решится. И Пашу Чупа-Чупса под школярь загоню.

Он сел, захлопнул дверь.

Сначала надо было найти Алзара. Паша пока нужен.

Паша Чупа-Чупс положил ногу на стол. Махнул ещё водки. Позвал своего нукера.

Тот подошёл, наклонился.

Паша злобно скалился. Шепнул ему на ухо несколько слов. Нукер кивнул.

— Сделаем.

— Сначала узнай. Потом сделаем. Мне их место нужно, люди, кто с ними трётся. Всё, что всплывёт, сюда неси. И мимо мусаров.

— А контора?

— И мимо конторы. Им Архипыч сам расскажет, какой он молодец. Нехрен у человека хлеб отбирать.

Нукер усмехнулся и вышел.

Паша посмотрел на дверь, за которой недавно исчез генерал. Опустил ногу, налил ещё.

Он-то знал: его агентура принесёт инфу на блюдечке с голубой каёмочкой. В городе люди разговаривают. Особенно когда уверены, что разговаривают мимо мусаров.

На то и ставка.

Паша получит своё.

Заводик давно нравился. Архипычу раньше было недосуг, а теперь очень даже найдёт время. Паша видел, как он рюмку держал. Видел, как промолчал про сына. Значит, припёрло как следует.

Только старого Архипыча всё равно пора менять. Слишком много думает о себе, слишком часто стал забывать, с кем договаривался. А теперь ещё и такой проёб.

Спиридон Филлипов — давний кореш Паши по делам ста-

рых дней, — в этом поможет.

Слово губера тяжелее слова старого коррумпированного мусара.

Паша взял телефон. Посмотрел на экран и улыбнулся.

Хорошо бы всё успеть до приезда Гарпуна.

Глава 4

Чёрные, в ноль тонированные «Крузаки» мчались по трассе. До города оставалось совсем немного. Может, час. Может, чуть больше.

Пересекали двойную сплошную. Щемили автомобили. Летели с неприлично большой скоростью. Встречные моргали фарами, прижимались к краю дороги. Те, кто успевал разглядеть номера, быстро понимали, что возмущаться лучше уже после того, как машины проедут.

На заднем сиденье сидел худощавый полускелет. Взгляд — стеклянный. В тонких губах дымилась сигарета.

Привычным движением он достал из кармана склянку. Зачерпнул маленькой ложечкой порошок и резко втянул его правой ноздрёй. Посидел, глядя перед собой, убрал склянку.

Никаких эмоций.

Лёня Гарпун ехал работать. Центр послал — надо сделать быстро. С особой жестокостью и цинизмом, чтобы потом не пришлось объяснять, почему кто-то ещё бежит и разговаривает. Вернуться, доложить. И в отпуск.

Острова или горы?

Он посмотрел в окно. Машина проскочила мимо грузовика, тот возмущённо загудел.

На островах шлюхи. В горах уединение. Шлюхи, конечно, хорошо. Но люди за последнее время заебали настолько,

что хотелось смотреть на что-нибудь, у чего нет ни необходимости, ни просьбы, ни срочного вопроса, ни кровавых слез на допросах. Наступает момент, когда пытки перестают приносить удовольствие и становятся рутинной.

Горы.

Хотя можно сначала острова. А потом в горы, бешеному псу — семь верст не крюк.

Спокойным, медленным, высоким голосом с хрипотцой он попросил помощника:

— Смотрящего набери.

Тот взял телефон.

Лёня знал: губер, контора, Архипыч и вся эта кодла подождут. Уже наорались друг на друга, сейчас начнут наперебой объяснять, как всё случилось и кто виноват.

Сначала надо обозначиться на земле. Пометить своей струёй территорию. Обозначить, кто здесь с этого момента решает.

Помощник передал телефон.

— Как сам, Паша?

— Лёня, рад слышать тебя, дорогой.

Паша Чупа-Чупс скривил лицо.

Прикопать бы этого пидора из центра где-нибудь вдоль обочины. Прямо вместе с его дорогой машиной, но продолжал любезничать.

— До меня уже дошло, что едешь. Как дорога?

— Быстрая. Я буду на земле в течение часа. Надо сосви-

стеться с тобой.

— Лёня, мой дом — твой дом. Ты же знаешь.

— Паша, твой дом — тюрьма. А я свободу люблю. Ха. Жди.

Паша коротко засмеялся. Без удовольствия.

— Жду, дорогой. Всё будет.

Лёня выключил телефон и улыбнулся.

За Пашу он знал всё. Во всяком случае, достаточно, чтобы Паша при встрече не начал изображать независимую сверхдержаву. Кто под ним ходит, с кем договаривается, где зарабатывает, перед кем делает вид, что ни от кого не зависит, знал в каком яйце Чупа-Чупсова игла таится.

Паша был у него как рыбка в аквариуме. Рыбка могла считать себя акулой, плавать грозно среди гуппи и открывать рот.

Чупа-Чупс грязно выругался.

Позвал людей, отдал распоряжение готовить поляну. Сам посмотрел на часы. Ещё час назад думал, как всё успеть до Гарпуна. Теперь надо было встречать.

Дверь схрона открылась.

Вовочка снова вошёл внутрь. Первой ко входу рванула Ужмаранга. Остановилась перед ним, понюхала, отступила.

— Да свой я, свой, — сказал он. — Чего ты каждый раз меня встречаешь, как налоговая?

Чуи поднял голову.

— Что ты шараебишься по улице? Сиди, лежи, не светись.

— Да, парни, я поссать вышел.

— Владимир, у нас прекрасный биотуалет в наличии. Ты его видел? Или решил местность удобрить на память?

Вовочка прошёл к своим вещам.

— Мне на воздухе захотелось.

— Нам всем на воздухе хочется, — сказал Воробей. — Только ты по одному и тому же месту ходишь. Потом удивляться будем, как нас нашли.

Вовочка махнул рукой.

Сон прошёл. Если кто и собирался прилечь, то уже передумал. Новости текли рекой. На экранах мелькали их лица, дом, машины, обрывки снятого соседями видео. Одни записи обрывались на грохоте, другие начинались уже с дыма.

Фотка Воробья появилась.

Он наклонился к ноутбуку.

— Вот суки. Я там ещё молодой.

— Сказал же, найдут, — ответил Чуи.

— Я никаких социалок не вёл. Где они её взяли?

— Вырыли из архива.

— Лучше бы какой-нибудь полезный документ вырыли. Например, куда деньги из бюджета делись. А они меня нашли. Выдающееся достижение.

На одном из мониторов появился индикатор.

— Недолго музыка играла, — сказал Чуи.

Он вскочил, подвинул к себе экран.

— Парни, нихера себе. Дроны. Ищут.

Воробей подошёл ближе. Вовочка тоже потянулся посмотреть.

— Здесь?

— Пока над местностью. Тепловизорами им нас не просветить, сверху не видно.

На экране появилась вторая точка. С севера летел ещё один дрон.

— Чешут? — спросил Воробей.

— Похоже.

Чуи разглядывал экран, потом полез в рюкзак. Вытащил небольшую коробку, которую Вовочка раньше у него не видел. Положил рядом с ноутбуком.

— Ещё что-то напаял? — спросил Воробей.

— Помощника собрал. Вторые руки.

— Первые у тебя куда делись?

— Первые заняты. Эта сама должна смотреть, где беспорядок, и поправлять. Чтобы я над каждой хернёй не сидел.

Воробей взял коробку, повертел, отдал обратно.

— А кто ей объяснил, где косяк, а где порядок?

— Я.

— Ну тогда вопросов нет.

— У тебя сейчас возможность бесплатно пользоваться достижениями науки, — сказал Чуи. — Не порть мне настроение.

Он отодвинул коробку и вернулся к монитору.

Появилась ещё одна точка.

Вовочка посмотрел на дверь.

— Может, я гляну, что снаружи?

— Вова, сядь, — сказал Воробей. — ты недавно оттуда пришёл. В следующий раз сразу маши им руками или струей сбей, а то чего они зря летают.

— Рот с мылом вымой. Я за братву башку на отсечение дам. Вы меня знаете. Мы одной крови, — сказал Вовочка.

Саня улыбнулся. Ужмаранга чихнула, обнажив клыки.

— Кошка тоже в курсе, — заметил Чуи.

— Хватит уже, — сказал Вовочка. — Я вышел на минуту, а вы меня третий час воспитываете.

— На минуту вышел, на минуту вернулся, опять вышел, — ответил Воробей. — Тут скоро проспект твоего имени откроют.

Чуи ткнул пальцем в экран.

— Парни, они реально здесь землю роют. Мне это вообще ни хрена не нравится. Может, срисовали? Может, «Колпак» сработал?

Ситуация бодрила без кофе.

Саня подошёл к столу.

— Уронить можешь?

— Могу. Только они тогда точно поймут, где надо рыть. Сейчас ищут, а после будут знать, что здесь кто-то сидит.

— И уходить будет веселее, — добавил Воробей.

Вовочка сел, но сразу наклонился вперёд.

— Наблюдаем и думаем быстро. Воробей, ты-то что скажешь? Ты самый опытный.

Воробей посмотрел на него.

— Скажу, что спокойно пересидеть здесь не получится. Найдут. Мы слишком наследили вокруг. Я бы нас нашёл.

— Ты бы всех нашёл, — сказал Вовочка. — А они?

— А им обязательно всем умными быть? Одного хватит. Остальные придут следом и двери ломать будут.

Воробей снова посмотрел на экран.

— Я давно за правило взял: если видишь ты — увидят и другие. Не надо их недооценивать только потому, что половина долбоёбы. У второй половины и мозги и стволы тоже есть.

Чуи улыбнулся.

— Мои глаза, мои глаза! Надо их зрение лишить.

— «Колпак»? — спросил Саня.

— Для начала. А то они себе весь город в телевизор засунули и сидят смотрят, где мы гуляем. Надо праздник испортить.

Вовочка потёр лицо.

— Вы опять про охоту?

— Мы с неё никуда не уходили, — сказал Воробей. — Если ты чувствуешь, что охота идет слишком легко, что след зверя сам попадает к тебе под ноги, то знай: тот, кого ты наметил в жертву, уже идет за твоей спиной, — вроде Чингач-

гук сказал, который слишком Большой Змей.

Саня прислонился к столу.

— У нас нет цели устраивать революцию и захватывать власть. Мне их кабинеты нахер не нужны. И кресла их не нужны. Я хочу одного: сделать их охоту невыносимо дорогой и загнать их в хаос. Чтоб каждый раз, когда они за нами собираются, пришлось подумать, кому обратно ехать.

Он посмотрел на точки.

— Они сейчас уверены, что мы должны сидеть и ждать. Или бежать, куда получится. У них вся работа вокруг этого и устроена. План “Перехват”, план “Сирена”, кто во что горазд.

— Хотя как пойдёт, — сказал Чуи.

— Хотя как пойдёт, — согласился Саня. — Нам бы до следующего рассвета дожить.

Ужмаранга подошла к его ноге, потёрлась боком.

Вовочка молчал. Смотрел на мониторы, на дверь, на свои вещи. На экране продолжали двигаться точки.

В грязном, прокуренном кабинете гестапо пытали Юрика. Его били. Задавали вопросы. Много вопросов.

Сначала он старался отвечать по порядку. Кто пришёл, кто когда ушёл, сколько лет знакомы. Пытался объяснить, что они просто сидели у Сани, играли, разговаривали. Он не знал, кого ещё надо было назвать и, что такого должен был рассказать, чтобы они наконец перестали.

— Где остальные?

— Не знаю.

Удар.

— Где договорились встретиться?

Юрик поднял голову, вытер губу плечом.

— Я туда не добрался.

— Мы видим, что не добрался. Где место?

Он отвечал. Его перебивали, снова спрашивали то же самое, только другими словами. Опер по гражданке записывал, его напарник стоял рядом и ждал, когда ответ не понравится.

Юрик не был каким-то партизаном. Был простым парнем. Дружил с ребятами давно, помогал, приходил в гости. Крамолы в этом никакой не видел.

Теперь ему объясняли, что отвечать надо правильно.

— Ты с ними был?

— Был.

— Значит, всё знаешь.

— Я не всё знаю.

Тот, кто спрашивал, посмотрел на остальных.

— Слышали? Не всё. Значит, кое-что всё-таки знает.

Юрик опустил голову.

В кабинете пахло табаком, страхом и чужим потом. Телефон на столе коротко завибрировал. Один из присутствующих прочитал сообщение, усмехнулся и показал другому.

Юрик ждал.

— Не верю, — сказали ему. — Давай сначала.

Глава 5

Чуи колдовал за компами. Воробей спал. Вовочка слонялся по схрону. Саня записывал кружок в ТГ.

Посмотрел на себя в телефоне, протёр камеру о рубашку.

— Еу, Чуи. А давай с айпишника Филлипова зальём видос? Можно мак какой-нибудь его секретутский заюзать? Пусть веселятся, а мне надо сказать то, что думаю. Сейчас молчать нельзя. Нужна позиция.

Чуи засмеялся.

— Смешно! Пусть кипиш у себя в администрации наведут. Будут друг друга за жопу хватать, выяснять, кто кнопку нажал. Погнали.

Вовочка остановился за его спиной.

— Ты сейчас серьёзно?

— Нет, Вова. Мы тут юмористическую передачу готовим. Ты в кадр главное не попадай, у нас возрастные ограничения.

Чуи параллельно искал лазейки в системе «Колпак». Юрик рассказывал, как через его контору устанавливали всё это видеонаблюдение. Знал, где находятся серваки, центры обработки данных, как всё собирали. Чуи такие разговоры мимо ушей не пропускал. Сразу начинал спрашивать, уточнять, лезть, смотреть. Юрик иногда уже жалел, что вообще говорил о работе.

Сейчас эти сведения пригодились.

Вовочка смотрел на экран. Какие-то окна открывались, другие закрывались. Чуи понимал, что делает, и ещё, довольный собой, успевал смеяться над собственной затеей.

— У тебя что, совсем страха нет? — спросил Вовочка.

— Есть. Боюсь, что ты мне на клавиатуру пиво прольёшь. Отойди чуть-чуть.

Вовочка убрал банку.

Саня включил запись.

— Сегодня в пять утра к нам приехали задерживать за видеоролик. С оружием в руках и журналистами. За слова, парни. За то, что Шкалик — золотой опарыш, а его образ жизни стоит непозволительно дорого всем остальным.

Он посмотрел в камеру.

— Пока у них НПЗ горят, склады горят, в людей дроны прилетают, они нашли, кого срочно спасать. Шкалика от оскорбления. Видимо, очень ранимый человек. Без автобуса вооружённых мужиков грубое слово пережить не способен.

Чуи поднял голову, послушал.

— Мы устроили то, что устроили. Пока режим Куращупова хватает за шкурки неудобных, пока гестапо лютует, нам предлагают правильно себя вести. Лечь, терпеть, подождать. Потом по телевизору покажут, какой режим Куращупова гуманный и свободный, какие мы, творческие, опасные и как нас красиво сластали.

Саня поправил телефон.

— У нас другая позиция. Невинных нет. Обслуживаешь

режим — соучастник. Ты можешь сколько угодно рассказывать, что просто работал, приказ выполнял, ничего лично не решал. Только дверь ко мне ломает вполне конкретный человек. И бьёт потом тоже человек. Не должностная инструкция меня по голове пиздошит.

Вовочка стоял у стены и слушал.

— Их право — нас уничтожить. Наше право — жить и сопротивляться. Мы перед режимом Куращупова лебезить не собираемся. Вива ля резистанс. Таков Путь.

Саня остановил запись, посмотрел начало.

— Нормально слышно?

— Даже в администрации услышат, — ответил Чуи. — Льем.

Видео ушло на канал «Путь Алзара».

Про то, что они сами намереваются охотиться на охотников, Саня не сказал.

А зачем?

Его раздражала манера угроз. Лошадкин на брифингах и в интервью выражает ноты протеста, сообщает: если ещё раз нарушите договорённости, если перейдёте красные линии, то мы ах, то мы ох.

Шкалик вообще выглядел посмешищем. Пьяным угрожал ядеркой. В это время горели НПЗ, склады маркетплейсов, фуры с горючим на трассах. А он всё обещал кому-то страшные последствия.

Угрожает, угрожает. Потом опять угрожает. Уже самому

хочется спросить: мужик, ты там делать что-нибудь собираешься или только людей от новостей отвлекаешь?

Чингисхан о нападении не предупреждал.

Саня тоже не собирался.

— Парни, вы щас точно засветитесь, — начал Вовочка.

— Вы цифровые следы оставляете. Вон, видос выбросили в сеть. Они же найдут. «Колпак» ломаете. Вы что задумали?

Чуи продолжал работать.

— Ты только что слышал, что задумали.

— Я не про ролик. Я про всё это. Давайте всё-таки загранку. Я могу позвонить Паше Чупа-Чупсу. Он ксивы выправит. Ленточку перепрыгнем и жизнь с чистого листа начнём. Кто куда хочет. Хочешь Тай, хочешь Дубай — выбирай.

Воробей открыл глаза.

— Вовочка, мы же решили. Бегают в кино. Мы атакуем. Нас мало, но мы в тельняшках.

Он хихикнул довольно потирая шею.

— Ты опять Пашу предлагаешь? — спросил Чуи.

— А, что тебя не устраивает?

— Паша.

— Ты его даже не знаешь.

— Мне пока хватает того, что знаю. Ты чего суетишься? Мы уже всё решили, когда сделали то, что сделали. Нас бы попросту распидорасили почём зря. Что так, что этак — крзда нашей спокойной жизни. И ты сам громче всех сказал: конечно, будем веселиться.

— Я не знал, что вы подготовили.

— Ну, теперь знаешь. Убежать успеем. А если документы понадобятся, я знаю, где ксивы выправить. Даркнет в помощь.

Вовочка подошёл ближе.

— Чуи, как тебе не знать, что весь даркнет под мусорами и конторой? Там и спалимся. Вы ваще фишку не рубите! Я Паше доверяю как себе.

— Вот последнее меня и беспокоит, — сказал Воробей.

— Тебя всё беспокоит. Только когда я предлагаю нормальный выход, сразу начинается.

Чуи отодвинул ноутбук.

— Вова, какой нормальный выход? Ты уже нам три страны назвал. Что именно Паша сделает?

— Я поговорю, узнаю.

— Так ты пока не знаешь.

— Зато ты всё знаешь. У тебя на любую проблему коробочка есть. Ты её из рюкзака достал — и все сразу хлопают. А человеку позвонить нельзя?

— Позвонить можно. Только мы не ремонт страпона тети Нюры обсуждаем.

Вовочка посмотрел на лежавшие рядом приспособы.

— Я и вижу. Ты там кнопки нажимаешь, Саня ролики пишет, Воробей воет. Всем хорошо. А если я не хочу подохнуть, то я уже не с вами?

Саня повернулся к нему.

— Ты сейчас за нас решать начал или за себя говоришь?

— Я за всех думаю.

— Тогда сначала остальных послушай.

Вовочка взял банку, сделал большой глоток. Посмотрел на «Магию Алзара», лежавшую возле Санниного рюкзака.

— Тебе легко. Ты даже из этого ролик сделал. Сейчас просмотры пойдут, обсуждения. Опять все за твоё учение говорить будут.

— И что? — спросил Саня.

— Ничего. Говорю, ты умеешь.

— Так и говори. Чего ты добавляешь, будто я себе это утро заказал?

Вовочка отвернулся.

— Я не добавляю. Вы вообще любое слово сразу...

Воробей потянулся за пивом.

— Последние часы меня пугает твоя риторика. Ты уж определись. Если принял решение, то сомнение — последнее, что должно посещать твою голову. А ты каждый разговор заново начинаешь. Мы только договорились, ты уже обратно.

— Боишься — не делай, делаешь — не бойся, а сделал — не сожалею, — Чингисхан говорил, — вставил Саня.

— Обстоятельства меняются, — продолжал ныть Вовочка.

— Меняются. Так думай, что с ними делать. Сомневающийся в своих силах всегда проигрывает. Вон, даже Чингис-

хан говорил. Побеждает наглый, дерзкий и уверенный. А если ещё техническими средствами оснастить, умом и опытом — у таких выиграть без шансов. Если, конечно, акула побольше не приплывёт.

Чуи снова придвинул ноутбук.

— Вот это мне нравится. Оснастить техническими средствами. Наконец-то разумный заказчик. Хотя какой бриф, такой и креатив.

Воробей кивнул.

— Щас благоприятная среда. Всё рушится. Проёб на проёбе. Система трещит по швам. Они всё ужесточают, а результата всё равно нет. Ужесточение — это ослабление. Подумай.

Вовочка сел.

Подумать ему предлагали все. Чуи, который без чужих советов знал, какой конец провода в какую плату сунуть. Воробей, который даже поспать успел и теперь снова готов был воевать. Саня вообще учение создал, художник и музыкант в придачу. Книга, карты, канал. Говорит — его слушают. Даже сейчас слушают.

Вовочка тоже говорил. Но его почему-то всё время поправляли.

Он закрыл глаза и вспомнил пятнадцатый год.

Как крупно проигрался. Влетел на лавэ. Проиграл дом отца.

Сначала казалось, что все ещё можно отыграть. Надо про-

сто один раз нормально зайти, поставить и больше никогда. Больше никогда Вовочка обещал себе столько раз, что обещание уже перестало мешать следующей игре.

Когда отдавать стало нечего, пошёл к Паше Чупа-Чупсу. Тот выслушал. Сидел, смотрел на него, потом спросил:

— Ты дом проиграл?

— Паша, я вернуть собирался.

— Я спросил, проиграл или нет.

Вовочка кивнул.

— Отцовский?

— Да.

Паша помолчал.

— Красавчик. Теперь чего хочешь?

— Помоги. Я отдам. Ты же знаешь, я всегда...

— Вова, ты сначала перестань обещать. Ты уже наобещал. Если я тебя вытащу, ты будешь делать, что скажу. А не рассказывать мне потом, как ты всё правильно планировал. Понял?

— Понял.

Тогда Паша его из дерьма и вытащил.

После, Вовочка сделал много грязных дел. За мокрое никогда не рассказывал. И то, что Паше был должен как земля колхозу, тоже держал при себе.

Для парней Паша оставался его влиятельным знакомым. Вовочка мог сказать: «Поговорю, решим». Мог вспомнить общую историю, назвать людей, показать, что он в городе не

последний человек.

Про тот разговор после проигранного дома не рассказывал.

Сам по себе Вовочка был добряком. Спешил на помощь, даже когда ещё не успел понять, нужна ли вообще она. Просят, не просят — пять копеек вставит. Компанейский. Рассудительный, если речь шла о чужой жизни.

Но застрявший в том пятнадцатом году.

Его фразы все знали наизусть. Можно было заранее сказать, где он начнёт про дружбу, где про связи, где предложит единственно правильное решение. Жил по спирали. Возвращался к знакомому, только объяснял каждый раз немного иначе.

Не вся его жизнь была предсказуема.

Своими темами он ни с кем не делился. Там оставался один. Оно и понятно: никто из парней в откровенный блудняк не вписывался. Им нравилось что-то делать. Чуи мог ночами паять, Воробей — возиться со своим хозяйством, Саня — писать, рисовать, сочинять чего-то.

Вовочка смотрел, слушал, подсказывал. Иногда помогал. Но такого своего дела, ради которого он сам полез бы в работу с головой, не было.

Зато был блудняк.

Когда проигрывался, ловил звериный адреналин. Всё остальное отступало. Счёт, следующий ход, возможность вернуть. В эти минуты он чувствовал себя по-настоящему

живым.

Такое же ощущение было в то утро, когда позвонили в дверь.

Он сказал: «Веселимся».

Сказал громче всех.

А теперь хотелось, чтобы кто-нибудь снова помог выйти.

Паша Чупа-Чупс раскинул руки, широко улыбнулся и сделал шаг навстречу живому полускелету.

Лёня Гарпун шёл медленно. Чёрное кожаное пальто, свитер с очень широким воротом, чёрные очки. На лице никаких эмоций.

Паша протянул руку.

Лёня остановился, снял очки.

— Паша, ты что меня как бедного родственника встречаешь? Где твоя радость? Я чего-то не понимаю.

Паша улыбнулся шире.

— Лёня, дорогой. Да я тебя с самого звонка жду. Проходи, всё с пылу с жару.

Поляна была шикарная.

Лёню встречали голые шлюхи в кокошниках. С рюмкой водки, горькой ореха и тонкими бутербродами с чёрной икрой. Одна чуть подалась вперёд, предлагая поднос.

Гарпун посмотрел на неё, потом на Пашу.

— Вот. Можешь, когда захочешь.

— Для тебя старались.

— Я вижу.

Лёня громко шмыгнул носом, взял рюмку и запил всё алкоголь. Бутерброд подержал в руке, посмотрел на икру.

Паша уже показывал ему место за столом.

— Садись, дорогой. С дороги надо поесть.

Гарпун сел. Пальто снимать не торопился. Паша устроился напротив, придвинул к нему закуски.

Лёня поднял глаза.

— Рассказывай, Паша.

— Про утро?

— А ты мне про прошлую зиму приготовился тереть? Про утро. Кто бегает, кто ищет, чего ты знаешь.

Паша взял свою рюмку.

— День у всех тяжёлый.

— У некоторых последний. Давай без вступления.

Девушка с подносом стояла рядом. Паша посмотрел на неё, махнул рукой. Она отошла.

Гарпун положил очки на стол.

— Слушаю.

Глава 6

Тонкие паучьи пальцы ловко орудовали отмычками. Джонни Джентльмен улыбался.

Он любил свою работу. Был лучшим в своём воровском ремесле и сейчас занимался ровно тем, ради чего согласился сюда приехать. Замок интересный. Люди за спиной его не интересовали.

Минёры. Группа захвата. Опера. Все смотрели на его руки, будто он собирался вынуть из двери объяснение случившегося.

— Долго ещё? — спросил кто-то.

Джонни не обернулся.

— Вы когда к проктологу приходите, тоже ему каждую минуту в руку дышите?

— Давай работай.

— Отвали и не мешай.

В воздухе висело напряжение. На лестнице пахло гарью. Кто-то кашлял, а молодой лейтеха хрустел подошвами ботинок, пытаясь найти место, где можно просто стоять.

А Джонни пел песенку:

— Лучший подарок руками. Две красные гвоздики origami.

Замолчал, прислушался, чуть повернул голову.

Финальный громкий щелчок.

И вуаля.

Замки Форт-Нокса Алзара пали перед его мастерством.

Джонни убрал инструмент и улыбнулся.

— Дальше сами. Только позвольте, я удалюсь. Я не полковник Уолтер Курц. Я не люблю запах напалма по утрам.

— Далеко не уходи. Можешь понадобится, — сказал старший.

— Я вам замки открыл. Если там ещё замки — зовите. Всё остальное у вас прекрасно получается без моего участия.

Он протиснулся между стоявшими на площадке и пошёл вниз. Смотрел под ноги, придерживался за покореженные перила. Люди уступали ему дорогу неохотно: каждый считал своё присутствие возле двери необходимым.

Всех, кроме сапёров, отправили вниз.

Сапёры. Защита. Робот.

Двери открылись. И ничего. Вообще ничего.

Робот заехал в квартиру. На мониторе появились ножки стола, стулья, провода. Сапёры долго ездили по комнатам, разглядывали. Останавливались, возвращались, внимательно смотрели ещё раз.

За спиной у них ждали.

— Ну, что?

— Работаем.

— Понятно, что работаете. Что там?

Один из сапёров повернулся.

— Как будет что сказать, скажем. Не стой над душой.

Снова смотрели на экран.

Квартира как квартира. Стол, стулья, электрогитары, колонки. Какие-то картины на стенах — видимо, абстракции. Шкафы. Кухня. Балкон. Еще прогон. На столе стаканы, на стойках гитары. Будто хозяева вышли ненадолго, только подъезд перед уходом зачем-то разьебали.

Единственное, что сразу бросалось в глаза, — железные ставни.

— Всё чисто. Мы заходим.

Зашли.

И опять ничего. Постояли, осмотрелись. Проверили то, что не удалось нормально рассмотреть с робота. В квартире было тихо. Из подъезда доносились голоса, тяжёлые шаги, чей-то мат.

— Заходите смело. Чисто.

В квартиру вошли опера, криминалисты. Один сразу посмотрел на гитары. Другой на стол. Мент по гражданке задержался у двери, пропуская остальных.

Прогремел взрыв.

Дом содрогнулся.

Людей на лестнице бросило друг на друга. Сверху посыпались обломки, по подъезду пошёл дым. Кричали сразу с нескольких этажей. Кто-то пытался подняться, другой уже бежал вниз.

Квартира загорелась.

Зато мобильная связь появилась.

Рации зашипели. Телефоны начали принимать пропущенные вызовы, сообщения, новости. Весь мир наконец-то смог до них дозвониться.

У Спиридона Филлипова на коленках, обнажив грудь, сидела минтуризма региона. Громко смеялась. Губернатор придерживал её за талию и тоже был доволен.

За утро он натерпелся. Генерал со своим сыном, трупы, доклады, звонки. Все чего-то хотели. Реально назойливые мухи, — думал Спиридон.

Стресс Филлипов привык снимать порошками, алкоголем и министерской доступностью.

На столе лежал телефон. Он завибрировал.

Губер посмотрел на экран, поморщился.

— Подожди, — сказал министерше. — Начинается...

Она осталась у него на коленях.

— Да.

— Командир. Три новости. И все херовые.

— Да не медли. Вываливай.

— На хате Алзара ещё жертвы. С вашего кабинета он залил видео на канал. И Лёня Гарпун в городе.

Филлипов резко встал.

С губерских колен министерша рухнула на пол. Ударилась, вскрикнула, схватилась за край стола.

Спиридон её уже не слушал.

Ладонью смахнул порошок со столешницы. Посмотрел на

испачканную руку, на автомате облизал её и проорал в трубку:

— Как?!

На другом конце помолчали.

— Что именно, командир?

— Блядь! Что значит с моего кабинета? Он у меня здесь был?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.